

Взгляд из регионов

БЕДНЫЕ СЕВЕРНОГО СЕЛА ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ РОССИИ: ДВОЙНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ¹

Ярошенко Светлана Сергеевна

к.с.н., зав. сектором экономической социологии Института социальных и экономических проблем Севера УрО РАН (Сыктывкар),
научный сотрудник ИСИТО (Москва)
E-mail: Yaroshenko@online.ru

Аннотация

В статье на основании результатов лонгитюдного исследования среди официальных бедных и территориального исследования северного села анализируется механизм формирования застойной бедности. Сельские бедные рассматриваются в качестве одной из депривированных и социально-исключенных групп, особенностями положения которых является экономическая, социальная и пространственная изоляция от основных источников жизнеобеспечения капиталистической России. Данная изоляция является важным фактором преобразования статистической группы бедных в реальную. Ключевым отличием такой группы является не столько нехватка средств существования, сколько устойчивость такого положения, признание неспособности самостоятельного преодоления нужды, а также выработка особых способов обеспечения домохозяйства в условиях исключения с рынка труда и включения в систему социальной защиты. Однако социальная помощь, направленная лишь на поддержание достигнутого уровня жизни, не может быть каналом восходящей мобильности для ее получателей.

Нисходящая мобильность ранее благополучных социальных слоев и распространение бедности на работающих стали признанными особенностями трансформирующейся России. Наряду с подсчетами масштабов современной бедности, по разным оценкам составляющим от 20 до 50% населения страны [Clarke 1999], ученые пытаются определить причины ее расширенного воспроизводства и постоянства. В большинстве случаев аргументация лежит в плоскости *структурных* объяснений, связывающих материальные лишения с развалом прежней распределительной системы и недостатками новой [Бедность в России 2000: 24]. Реже встречаются рассуждения о сформированной за годы советской власти привычке к зависимости и не предприимчивости [Чернина, 1994: 60].

Вместе с тем, существуют случаи, на наш взгляд, не вписывающиеся ни в одну из таких аналитических конструкций: анклавы бедности в деревнях, закрывающихся поселках и моногородах; преодоление нужды в одних бедных семьях и неизменность ситуации в других; обращение за государственной поддержкой только части населения с доходами

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке Фонда Сороса (RSS No: 1273/1999). Проект «От достойных бедных к андерклассу: практика социального исключения в условиях переходной экономики России».

ниже прожиточного минимума, преобладание женщин среди обратившихся за помощью. Эти примеры свидетельствуют о встраивании культурного механизма воспроизводства бедности в структурный.

Почему часть “новых бедных” вырабатывает конструктивные практики совладания с жизненными трудностями, а часть, несмотря на экономическую активность, не может изменить ситуацию? Каким образом проходит водораздел? Кто оказывается в числе несостоятельных бедных, испытывающих постоянные лишения? Каковы пределы возможной идентификации этих групп и насколько определимы каналы мобильности между ними? Является ли официальная регистрация в качестве нуждающихся достаточным основанием для разграничения постоянно бедных от временно бедных?

Эти и другие вопросы изучались в ходе исследования северной деревни в течение двух лет, начиная с 1999 г. Исследование еще не закончилось. В данной статье предлагаются первые обобщения полученных результатов, касающихся социальных пособий и их роли в преодолении нужды.

Северное село в процессе капитализации

Включение сельских бедных в призму такого исследования не случайно. Именно крестьяне, особенно на Севере, оказались заложниками экономического реформирования и внедрения «дикого» рынка, исключившего из поля зрения государства все экономически нерентабельные, ранее дотационные, а теперь депрессивные (неблагополучные) отрасли народного хозяйства. Ситуация выпадения или исключения из новой рыночной экономики лишь развила наследие советского прошлого, в котором российская деревня, несмотря на лозунг смычки села и города, оставалась на периферии государственных интересов², а жители деревни – в числе наименее обеспеченных россиян. В настоящее время разрыв между городом и деревней стал более очевиден.

Положение северян усугубляется сложными климатическими условиями, препятствующими эффективному развитию сельского хозяйства. А монопрофильные промышленные зоны вносят дополнительный дисбаланс в экономическое развитие. Не является исключением пос. Койгородок – село, в котором проходило исследование. Это районный центр Республики Коми с численностью населения в 3 тыс. человек и 11 тыс. человек в целом по району. Вследствие своей периферийности (200 километров от столицы) и изоляции (первая автомобильная дорога была построена в середине 80-х гг.) эти места, сохранив отчасти свою первозданную природу, к концу второго тысячелетия стали центром социальной депривации.

Основу экономической базы района составляют лесозаготовки и сельское хозяйство, типичные отрасли для южных районов республики. Старейшие и единственные в

² Нестратегическую позицию и исключение сельского хозяйства демонстрируют отчасти данные официальной статистики о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников предприятий и организаций по отраслям экономики Республики Коми с 1970-х гг. по 1990-е гг. включительно: сельское хозяйство наряду с культурой и образованием на протяжении трех десятилетий оставалось самой низкооплачиваемой отраслью. Для сравнения, заработная плата в сельском хозяйстве в 1970 г. составила 126 рублей, а в промышленности – 218 рублей, управлении – 185 рублей; в 1990 г. эти показатели, соответственно, составили 334, 464 и 451 рубль; в 1999 г. – 1010, 3507, 2680 рублей [Статистический ежегодник РК 2000. С. 86].

республике металлургические заводы уже давно не работают из-за отсутствия сырья. Лес – единственный ресурс района – с середины 90-х гг. оказался невостребованным, в результате чего произошел спад производства на лесозаготовительных предприятиях, сокращение численности работающих здесь и резкое снижение заработной платы. Начиная с 1994 г. численность занятых в районе уменьшилась на 2 тысячи человек [Статистический ежегодник 2001: 51]. Больше всего от сокращений пострадали леспромхозы, где число работников сократилось наполовину. С развалом лесозаготовок и сокращением лесопунктов была свернута и социальная инфраструктура поселков: пекарни, магазины, бытовки, столовые. Для оставшихся без работы или получающих низкую заработную плату поиск приемлемого места работы в условиях монопроизводства был неэффективным способом решения материальных проблем. Большинство предпочли зарабатывать средства к существованию в подсобном хозяйстве или сезонным калымом (сбор грибов, ягод, сенокос), а рабочее место по возможности сохранялось про запас.

С конца 90-х гг., на новой волне лесозаготовок район стал развиваться и залатывать экономические бреши. Однако восстановление леспромхозов, выразившееся в наращивании объемов промышленного производства и преодолении его убыточности, несопоставимо по масштабам с советским производством, а потому никак не повлияло на общую атмосферу запущения. Уровень зарегистрированной безработицы, достигший в 1997 г. рекордного показателя в 10%, в последующие годы снизился до 5-6%. Таковым он остается и по сей день. Заработная плата работающих неуклонно снижается относительно прожиточного минимума [Госкомстат РК 2001] и явно недостаточна для содержания семьи. Иными словами, безработица и низкая оплата труда существенно осложнили жизнь селян, вынужденных теперь искать новые источники существования.

Предпринимательство, а также самозанятость вряд ли могут рассматриваться в качестве альтернативы промышленному производству или совхозам, поскольку в условиях северных сел они развиваются по-прежнему слабо. Если учесть, что домашнее производство (семейная экономика) в условиях рискованного земледелия на Севере является трудозатратным и малоэффективным занятием, то ситуация выглядит еще более неперспективной.

Вместе с тем, по масштабам бедности район не выделяется на общем фоне региона. Доля бедных здесь по статистике составляет около 20% от общей численности населения, что соответствует средним данным по региону и Российской Федерации в целом. В свою очередь, доля зарегистрированных бедных несмотря на постепенное увеличение остается незначительной: 2,5% в 1997 г. и 8% в 2000 г.

Может ли в этих условиях факт получения пособия быть индикатором крайней бедности и маркером, достаточным для выявления постоянно бедных?

К вопросу о методе исследования механизма воспроизводства постсоветской бедности

Исследование сельской бедности и формирования постоянно бедных среди получателей социальной помощи проходило в несколько этапов. В ходе первого этапа (осень 2000 г.) состоялось знакомство с жизнью села, с организацией данного территориального сообщества и зон бедности. Границы группы бедных выяснялись (прорисовывались) согласно различным идентификациям: властной (официальной), общественной и самоидентификации. Были проведены экспертные интервью в администрации, социальной службе и местном центре занятости относительно того, кто считается бедным на селе, как

определяется грань, отделяющая различные типы нуждающихся. Затем проводились интервью в семьях – как названных социальными работниками в качестве примеров различных типов нуждающихся, так и указанных самими жителями села. В ходе интервью выяснялось, насколько информанты отождествляют себя с бедными. В каждом случае «называния» и самоотнесения к бедным важно было выявить *личностные* смысловые контуры этого понятия, а также аргументацию помощи и поддержки именно их. Исследовательская гипотеза заключалась в том, что на пересечении идентификационных зон и личностных (индивидуальных) смыслов, им приписываемых, находится устойчивая группа бедных, оцениваемая таковой с разных позиций и являющаяся постоянно бедной.

В ходе интервью определялся и уточнялся смысл, вкладываемый в характеристику несостоятельной (бедной) позиции. Смысловой код выделения наиболее нуждающихся определялся не только на основании оценок и суждений, но и через реальное поведение, демонстрируемое в рассказах о семье, трудовой биографии и истории нужды. Таким образом, сверхзадача заключалась в реконструкции института воспроизводства бедности на макро- и микроуровнях.

Спустя полгода, на втором этапе исследования проводились повторные интервью с теми же семьями, а также добирались новые случаи. Всего на каждом этапе было опрошено около 25 семей.

Концептуальные рамки исследования бедных северной деревни формировались сквозь призму представлений о бедности в России в целом. В советское время бедность по идеологическим причинам не признавалась, однако низкодоходные группы существовали, а значит, статистически фиксировались, называясь малообеспеченными. Основу материального и гражданского благополучия составляла позиция в иерархии рабочих мест, включенных в особую систему распределения привилегий. Любая, даже низкоквалифицированная работа позволяла обеспечивать социальный минимум, поэтому особую и «единственную» угрозу «достойному» и состоятельному образу жизни в советской системе представлял лишь рост числа иждивенцев в семье. По этой причине именно семьи с повышенной долей иждивенцев – многодетные семьи, неполные семьи, инвалиды – признавались официально бедными (малообеспеченными), и ответственность за их содержание брало на себя государство.

По мнению некоторых исследователей, с началом рыночных реформ 1990-х гг. и развалом прежней системы жизнеобеспечения меняется характер бедности: из феномена жизненного цикла, обусловленного демографическими факторами, она становится явлением, тесно связанным с классовой позицией, этничностью и гендером [Szelenyi, 2000: 2]. Не вдаваясь в дискуссии о природе бедности при социализме, отметим, что фундаментом сегодняшней экономической состоятельности является позиция, занимаемая индивидом на «рынке труда», все еще зависящая как от стратегии «реконструкции» прежней распределительной системы, так и от способности домохозяйств мобилизовать имеющиеся ресурсы (профессиональные навыки, сбережения, связи и т.п.) для включения в благополучную сферу занятости и самостоятельного преодоления материальных проблем. Несмотря на то, что развал производства, сокращение социальных льгот и гарантий стимулировали развитие сетевых отношений (обмена) и домашней экономики, «особые» отношения с оплачиваемой занятостью, как прежде, так и теперь, являются основой материального достатка. Однако теперь обеспечение социального минимума существенно определяется положением в отраслевой и должностной иерархии.

Безработица или получение заработной платы ниже прожиточного минимума более вероятны в тех сегментах оплачиваемой занятости, которые исключены из числа приоритетных и стратегических. Ярким показателем исключения являются региональные, отраслевые и должностные различия в оплате труда. В условиях монопроизводства это обстоятельство становится серьезной причиной для застойной бедности, когда люди признают себя несостоятельными в качестве кормильцев и обращаются за помощью.

В этом социальном контексте реабилитация бедности и формирование института социальной поддержки неимущих является «естественным» механизмом компенсации последствий дискриминационных практик занятости (социального исключения с рынка труда отдельных отраслей или сегментов), в условиях ограниченных возможностей становясь дополнительным каналом (элементом механизма) исключения.

Еще одной особенностью современной ситуации в сравнении с советскими временами является то, что сокращаются возможности мобильности в благополучные слои и создаются условия для формирования постоянной бедности (андекласса).

В число андекласса, по мнению западных исследователей, чаще всего попадают наиболее уязвимые категории. Географическая сегрегация, наряду с крайней бедностью и межпоколенческой преемственностью, считаются основными факторами формирования этой категории [Szelenyi 2001: Ch. 4, 1].

В российском контексте наследуемая бедность как индикатор андекласса (застойной или постоянной бедности) в связи со спецификой советской системы распределения вызывает сомнения, хотя и есть основания ожидать некоторого «наследования» зависимости от льгот и пособий. Пространственная изоляция, в качестве базового индикатора андекласса, для России также мало пригодна, хотя она и проявляется в ряде депривированных сельских, лесных, угольных поселков. К тому же место жительства, как показали сравнительные исследования, является мощным фактором бедности в России [Szelenyi 2001: Ch. 4, 21]. Однако в большинстве случаев крайняя бедность не локализована пространственно, и вместо «пространственной» имеет место «социальная изоляция»: социальная дистанция между бедными и остальными слоями.

В связи с этим в качестве базовых характеристик постоянно бедных в России, или российского андекласса, мною взяты следующие черты: крайняя бедность; продолжительность такого состояния, грозящая воспроизводством нужды в последующих поколениях; особые (безуспешные³) *стратегии выживания*, связанные с консервацией бедности, а не ее преодолением.

В статье доказывается, что формируется реальная группа бедных – устойчивая группа постоянно бедных, или андекласс, – характеризуемая низкой материальной обеспеченностью (крайней бедностью), исключением с рынка труда и из системы

³ Успешные и безуспешные практики поведения официальных бедных выделялись на основании того, насколько они способствовали преодолению или углублению материальных лишений (бедности), формированию реальной группы бедных. *За счет мобилизации какого ресурса формируется успешная стратегия? И, напротив, невозможность использования каких ресурсов ведет к постоянству бедности?* Параллельно рассматривалась роль социальных пособий в этом процессе, а точнее роль стратегий, связанных с оплачиваемой занятостью или государственной помощью (стратегии занятости или стратегии зависимости).

социальной защиты.

Социальное исключение в данном контексте является характеристикой (1) отношения государства к депривированным группам, испытавшим резкое снижение уровня материальной обеспеченности и социального статуса; (2) группового поведения, нацеленного на отождествление себя с бедными, признание экономической зависимости и закрепление практики выживания вне достижительских сценариев.

Именно социальное исключение является механизмом формирования постоянной и глубокой бедности. Исключение проявляется на институциональном и поведенческом уровнях. На институциональном уровне происходит формирование института изоляции несостоятельных граждан: экономическая политика государства определяет нестратегические места работы, исключая из состоятельных тех, кто там работает, а органы социальной защиты исключают тех, кто не входит в число достойных помощи бедных. На уровне поведения происходит выбор неэффективной стратегии жизнеобеспечения, выпадающей из принятого (распространенного) хозяйственного уклада, исключение из которого закрепляет бедность. Апогеем исключения становится атомизация индивидов – потеря связи с домашней экономикой (выпадение из семьи) и сетевой экономики (родственного обмена).

Властное закрепление пространства бедности

Одной из важных инстанций определения нуждающихся в помощи является социальная служба. Здесь, согласно принятым нормам определения бедности, выявляются бедные, достойные государственной поддержки. Таким образом, делается первый шаг к выделению наиболее нуждающихся, к определению группы реально бедных – иначе говоря, проводится *властная номинация*.

Согласно принятой в Республике Коми методике определения нуждаемости, пилотируемой с 1997 г.⁴, основное условие получения статуса «нуждающихся» – низкий душевой доход. Расчет нуждаемости семьи проводится на основании имеющихся в домохозяйстве прямых (налогооблагаемых) и косвенных (жилищные субсидии, льготы, пособия) доходов. Таким образом, власти пытаются учесть традиционно высокую долю, которую занимают в семейных доходах распределяемые блага и привилегии. Другой особенностью расчетов нуждаемости является учет потенциальных доходов. Так, учитывается экономический потенциал: доход, который семья могла бы иметь в результате рационального использования принадлежащего ей имущества (излишки жилья, дача, подсобное хозяйство, гараж, автомобиль). Введены нормативы, согласно которым определяется доходность подсобного хозяйства и крупного рогатого скота. В случае отсутствия земли к имеющемуся доходу (как в городе, так и в селе) приплюсовывается доход 3 соток земли. Считается, что каждая семья, испытывающая материальные проблемы, может их отчасти решать за счет земельного надела. Отсутствие оно, особенно на селе, расценивается как нерадение и игнорирование имеющихся возможностей. И, наконец, учитывается трудовой потенциал: занятость трудоспособных граждан. При отсутствии уважительных причин для безработицы одного из членов семьи,

⁴ Анализ особенностей социальной политики см. С. Ярошенко. Бедные в социальной стратификации постсоветского общества // Альманах социальных исследований «Рубеж», 1998. № 12.

ей отказывают в помощи. Для трудоспособных безработных граждан обязательна регистрация в Службе занятости.

Иными словами, принципы государственной благотворительности сформулированы таким образом, чтобы исключить помощь тем низкодоходным семьям, которые имеют экономический и трудовой потенциал. Предполагается, что тем самым можно стимулировать активизацию внутренних резервов домохозяйства, пресечь иждивенчество и формирование экономической зависимости.

Во избежание формирования зависимости приняты также ограничения по выплате денежных пособий. Основными формами помощи для преобладающего числа официальных бедных являются жилищные субсидии и льготы. Денежное пособие выдается лишь при условии крайне низких среднедушевых доходов в семье, которые оказываются ниже гарантированного душевого дохода. Последний утверждается ежеквартально властями исходя из имеющихся бюджетных средств. На протяжении последних лет его величина не превышала трети установленного в республике прожиточного минимума, что автоматически снижало долю получателей пособия.

Таким образом, на фоне роста числа работающих бедных в социальной политике формируется образ «достойного помощи» – маргинала, не имеющего ни рабочей силы, которую он мог бы продать, ни ресурсов, которые он мог бы превратить в капитал. Рассмотрим, каким образом данный «идеал» воплощается на практике.

На начало октября 2000 г. в Койгородском районе было зарегистрировано 256 семей (902 чел.) в качестве нуждающихся, из которых только 14 семьям (47 чел.) было назначено пособие. Для сравнения, в 1997 г. было зарегистрировано 270 чел., из которых 100 чел. получали пособие⁵.

Косвенным образом о том, за счет кого происходит рост числа признанных нуждающимися, свидетельствуют данные о структуре официальных бедных в 2000 г. Среди получивших статус нуждающихся преобладали многодетные семьи – 30 семей (148 чел.); неполные семьи – 49 семей (98 чел.); семьи безработных – 87 семей (340 чел.). Несмотря на жесткие принципы отбора среди получателей государственной поддержки, высокой оказалась доля работающих бедных и безработных, а также тех семей, что традиционно попадали в число объектов социальной политики из-за преобладания в них иждивенцев. Примечательно и то, что половину зарегистрированных в качестве нуждающихся на селе составили домохозяйства, возглавляемые женщинами: одинокие женщины и одинокие матери, а также полные семьи с работающей женщиной и безработным мужчиной⁶.

⁵ Семейный душевой доход ниже прожиточного минимума позволяет семье претендовать на получение статуса нуждающегося, а значит – жилищных субсидий и льгот, а доход ниже ГДД позволяет рассчитывать на денежное социальное пособие. Льготы предоставлялись и предоставляются в виде жилищных субсидий, путевок в детские лагеря, выплат детских пособий. Летом 1999 г. пособия «выплачивались» продуктами, а сейчас – носками.

⁶ Данная тенденция рассматривается в статье: Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных // Альманах социальных исследований «Рубеж», 2001. № 16-17; Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся // В кн. Гендер и сексуальность. СПб., 2001.

Такое распределение не случайно. С одной стороны, сохранение относительно стабильной величины гарантированного денежного дохода (230 рублей) наряду с увеличением прожиточного минимума (около 1000 рублей) искусственно снизило долю претендентов на денежную помощь. Основным стимулом к регистрации и обращению за помощью в данном случае остается предоставление льгот (снабжение дровами по сниженным расценкам, бесплатное детское питание, оплата детских садов и т.п.) и жилищных субсидий. Наиболее ощутима и востребована такая помощь для семей с детьми и пенсионеров. Однако размер пенсий вкупе с коэффициентом доходности приусадебного участка исключает, как правило, пенсионеров из числа претендентов.

С другой стороны, данный состав официальных бедных является следствием реализации критериев государственного вмешательства в новых экономических условиях – трудовой этики и патриархатности – универсальных моральных принципов, сопутствующих образованию первых национальных рынков труда [Polanyi 1957; Dean 1991: 156-192]. Трудовая этика подразумевала необходимость труда для обеспечения средств существования; продажа рабочей силы дееспособными гражданами становилась основным условием безбедного существования, а предоставление помощи было возможно только недееспособным. В свою очередь, патриархатность подразумевала мужскую ответственность за содержание семьи, а потому отнесение одиноких женщин к числу недееспособных соответствовало стереотипам существующей гендерной культуры.

Таким образом, наиболее привлекательным объектом социальной помощи становятся семьи с низким экономическим и трудовым потенциалом, что в условиях села связывается с невозможностью компенсировать с помощью приусадебного хозяйства или иной трудовой активности как дефицит рабочих мест или приемлемой заработной платы, так и высокую иждивенческую нагрузку в семье. В первую очередь в число таких семей попадают домохозяйства, возглавляемые женщинами: одинокие женщины, неполные семьи и семьи с безработным мужчиной.

Иерархия бедных: стигматизация

Регистрация и получение официального статуса нуждающегося – это только одна из стадий идентификации бедных и выделения тех, кто нуждается. Даже получившие этот статус распределяются в иерархическом порядке. В ходе исследования мы предложили социальным работникам привести примеры разных типов бедных семей, среди которых можно было провести исследование. Всего было названо около 15-ти различных вариантов. К примеру, (1) благополучная бедная семья – *«хорошая семья, а малюсенький доход»*; (2) *«многодетная неполная семья, пьющая мать»*; (3) многодетная полная семья самозанятых – *«семья, шесть детей, самозанятая женщина, уже смогла поднять свое хозяйство, хоть и зарегистрировалась как нуждающаяся»*; (4) многодетная полная молодая семья; (5) *«неполная семья, пьющая мать»*; (6) одинокая мама с сожителем, гражданский брак; (7) одинокая мама без сожителя; (8) одинокая мама, родители умерли; (9) одинокий папа, мать лишена родительских прав, ребенок воспитывается теткой; (10) одинокий многодетный папа, бедный, но не зарегистрирован как нуждающийся и т.д. Основным критерием иерархического упорядочивания зарегистрированных бедных являлось основание для обращения за помощью.

Упорядочение бедных сельских семей проходило в соответствии с названием и приписанными информантам характеристиками. В результате получились следующие

социальные категории (социальные классы):

- (1) уважаемые бедные – «хорошие» бедные семьи, низкий доход в которых обусловлен внешними обстоятельствами или большим числом иждивенцев;
- (2) состоятельные бедные – домохозяйства, скрывающие свои доходы, но покупающие машины или строящие дома. Например, самозанятые и предприниматели, а также одинокие матери, имеющие сожителей;
- (3) несостоятельные бедные – домохозяйства, в которых пьющие и деградировавшие члены являются серьезной проблемой.

С точки зрения социальных работников, отношение к социальной помощи является значимым в упорядочивании категорий зарегистрированных групп. Верхушку данной иерархии занимают семьи, прилагающие постоянные усилия для преодоления бедности. Считается, что для них социальная помощь – это временная мера, поскольку их материальное положение обусловлено внешними обстоятельствами. Завершают эту иерархию пьющие бедные. Они не только не в состоянии самостоятельно решать проблемы, пропивая свои случайные заработки, но и вряд ли могут рассчитывать на внешнюю поддержку. Как правило, их регистрация на бирже труда и затем в социальной службе – заслуга жен или других членов семьи, к которым общественное мнение более благосклонно. Таким образом, именно последняя категория находится в крайней бедности. Наиболее же состоятельными из трех перечисленных категорий являются те, кто, по мнению социальных работников, получают пособия незаконно.

Регистрация работающих бедных в качестве нуждающихся – один из самых сложных и противоречивых моментов в практике социальных работников. С одной стороны, с точки зрения официальной политики, они не вписываются в реестр тех, на кого распространяется государственная поддержка, поскольку они имеют некий устойчивый заработок. С другой стороны, поскольку получаемая ими зарплата невероятно низка, сами работающие бедные имеют полное право обращаться за помощью, так как «подходят» для получения официального статуса по тем же самым принятым параметрам. Именно поэтому работающие бедные оказываются в числе зарегистрированных бедных. Другое дело, что не все неимущие, имеющие работу, обращаются за помощью. Тому есть несколько объяснений: часто они сами себя ограничивают, полагая, что тем самым они потеряют некое «достоинство работающего человека»; в силу существующей системы предубеждений и стигматизации обращающихся, «это плохо, неудобно, неловко»; наконец потому, что полагают, что у них нет на это никакого права.

Интересно, однако, что именно они (работающие бедные) оказываются наиболее «привлекательными» клиентами социальной службы. В ходе проведения исследования можно было заметить, что негласные предпочтения социальных работников обращены именно на тех, кто заявляет о своей нужде и кто, по мнению чиновников, имеет больше оснований на внешнюю помощь. Моральный подтекст такого выделения очень хорошо выразила одна из работниц социальной службы, разграничив «хорошие бедные семьи» и «плохие».

«Хорошие», или еще часто звучало «нормальные», семьи являются, по определению представителей властной структуры, уважаемыми бедными. Одобренным основанием получения ими помощи являлись одинокое материнство или отцовство, многодетность, трудовая активность и получение пособия как временной меры. Низкая заработная плата

также считается значимым аргументом в пользу получения государственной поддержки: государство должно компенсировать свои просчеты⁷. Таким категориям отдается предпочтение при регистрации, а иногда осознанно допускается нарушение формальных правил. К примеру, не принимается во внимание и, более того, не порицается превышение реальных доходов над демонстрируемыми.

Неимущих же из других (недостойных) категорий, обращающихся за помощью и даже получающих оную, социальные работники, как правило, признают недостойными поддержки. В качестве негативных характеристик, оправдывающих такое отношение, назывались: пьянство, незаконное получение пособия или льгот (незарегистрированное сожительство, скрытые доходы), лень и привыкание к бедности, когда внешняя помощь становится основным источником выживания.

Даже в случае соответствия этих категорий формальным основаниям для получения поддержки, объемы помощи увязываются социальными работниками с их представлениями о морально принятых основаниях. Солидарную позицию в этом вопросе выразили работники Управления по социальным вопросам и Службы занятости в Койгородке: *«Число иждивенцев растет... финансирование снижается. Надо выбрать самых достойных помощи или самых нуждающихся».*

Наиболее нуждающихся оценивают и отбирают для распределения ограниченных ресурсов, в частности, разовой гуманитарной помощи, опять-таки не столько по заявленному (официальному доходу), сколько по имеющейся информации о реальных источниках дохода. Низкая заработная плата, отсутствие родственников, плохое здоровье, не позволяющее вести собственное хозяйство, расцениваются в качестве «базовых» признаков нуждаемости и оснований для помощи. Однако не меньшее значение имеют и дополнительные «основания»: учитывается рвение и собственные усилия в преодолении нужды. Те, кто действительно стремятся преодолеть бедность, но не могут этого сделать в силу разных обстоятельств, признаются «по-настоящему» достойными призрения. *«Непьющие, тянутся изо всех сил, но не могут»* – такова характеристика семей, находящихся, по мнению социальных работников, в экстремальной ситуации и нуждающихся в помощи.

«Достойны помощи те, кто не пьет, не просят, плохо живут (низкий душевой доход в силу низкой заработной платы или значительного числа иждивенцев)» (заведующая отделом пособий и социальных выплат).

В этом определении ярко продемонстрирована довольно традиционная установка по отношению к бедным, к выделению среди них «хороших» бедных, стремящихся самостоятельно решить материальные проблемы, но испытывающих трудности по независящим от них причинам. Таким образом, для социальных работников:

Достойные, или уважаемые бедные – это бедные, заслуживающие помощи, но получающие ее временно.

⁷ Кстати, сами социальные работники зачастую зарегистрированы как нуждающиеся и получают государственную поддержку. Это отчасти компенсирует их низкую заработную плату, составляющую 200-300 рублей (\$8-12) при прожиточном минимуме в 900 рублей (\$36).

Если для одних зарегистрированных семей признание бедности является одобренным способом решения проблем, то для других – стигмой. Как уже упоминалось выше, ключевым в разграничении групп является привыкание к бедности, продолжительность регистрации в качестве нуждающихся и значимая роль социальных пособий (внешней помощи) в хозяйствовании. Нижеследующая цитата красноречиво демонстрирует данное обстоятельство.

«Кто привык получать помощь, тот ее и получает. А есть некоторые семьи, которые, как ни проси, не идут на регистрацию» (заведующая отделом пособий и социальных выплат).

Дисциплинированная и продолжительная практика получения государственной поддержки оценивается негативно. Уважаемые бедные переходят в категорию «недостойных» поддержки в случае проявления иррационального экономического поведения (экономической зависимости).

Грань, отделяющая одних от других, очень зыбка. Так, например, с какого момента человек начинает привыкать к своему состоянию и, соответственно, перестает прилагать усилия к его изменению? Как отличить тех, для кого социальное пособие является исключительной и временной стратегией выживания, от тех, кто уже выпал из принятых рамок обеспечения (хозяйствования)? Пожалуй, единственным тестом, помогающим отделить первых от вторых, становится тест на трудовую активность. В этом моменте мнение социальных работников совпадает с мнением односельчан. С одной стороны, работа признается потребностью и средством выживания: «в селе без работы нельзя». С другой стороны, работа является тем явным социальным маркером, который позволяет «сходу» отличить своих от чужих: «свои умеют работать и работают, чужие не выдерживают проверки трудом, боятся тяжелой работы или просто ничего не умеют». И, наконец, работа всегда признавалась и по-прежнему признается основой нормального статуса на селе. Причем в контексте мнений наших информантов «норма» – отнюдь не зажиточная жизнь, а самостоятельная, самодостаточная, независимая и с достоинством. Если на селе реальная бедность «видима» и легко маркируема, то в городе даже социальные работники, длительное время работавшие в системе начисления социальных пособий, оказываются неспособными ее распознать, отмечая лишь некие внешние «приметы», например, отсутствие блеска в глазах или другие внешние признаки безысходности.

Стигматизация становится значимым элементом механизма исключения таких семей из системы социального обеспечения, что хорошо видно по практикам отбора наиболее нуждающихся при перераспределении разовой материальной помощи. Для подобного перераспределения существует и формальное основание, связанное с ограничением периода получения пособия одним годом, после чего должен наступать перерыв. Очевидно, что именно год получения пособия, согласно официальному мнению, является тем рубежом, за которым начинается привычка и экономическая зависимость.

Таким образом, практика отбора наиболее нуждающихся вносит свои коррективы в официально принятые правила предоставления помощи такого рода. Моральная оценка на основании имеющегося знания о каждом селянине становится своего рода дополнительным условием получения государственной поддержки. Поэтому «видимое» социальным службам стремление домохозяйства преодолеть бедность, а также

соответствие представлениям о принятых (допустимых) практиках хозяйствования и обеспечения становятся важным критерием предоставления помощи. Несмотря на требования учета экономического и трудового потенциала семей, государственная поддержка рассматривается социальными работниками в качестве компенсации низкой заработной платы и одобренной стратегией выживания. В этой связи преимущественная помощь оказывается «уважаемым» бедным, а практика социальной работы с недостойными помощи нацелена на их исключение из числа клиентов социальной службы.

Зоны бедности сквозь призму общественной номинации

В ходе исследования выявилось явное противоречие. С одной стороны, не все официально бедные, то есть получившие статус нуждающихся и, соответственно, право на государственную поддержку, являются бедными в глазах селян. А с другой, – часть тех, кто не заявил о своей нужде или кому отказано в помощи, по общему согласию, находится в бедственном материальном положении.

Толчком к признанию семьи нуждающейся в глазах общественности является низкая оценка достатка и имеющихся возможностей улучшения ситуации. На селе все друг друга знают и достаточно четко представляют уровень жизни в семье: *«Можно пойти в последний подъезд того дома, и там практически все бедные: разведенный мужчина, одинокая мама, семья безработных или семья, где жена работает воспитателем, а муж – безработный»*. На Нагорной улице практически во всех домах можно с этим столкнуться. Или вот на Гагарина...». Утаить практически ничего невозможно. Сарафанное радио достаточно быстро передает по селу последние известия об изменах и случайных связях, любви и бедности.

«Тех, кто нуждается, «считает» машина – якобы, объективно. Только народ в селе все про всех знает».

Часто возникала ситуация, когда семья, официально признанная нуждающейся, в глазах селян таковой не являлась. По их мнению, чтобы считаться бедным, нужно лишиться «последнего» социального минимума – тех необходимых благ, за которыми следует «настоящая» нужда: *«нет денег даже на хлеб, нет сменных трусов»*. По существу, бедность формулируется в понятиях голода и ситуации, угрожающей здоровью (в терминах абсолютной депривации).

«Бомжи, пенсионеры, опустившиеся и безработные являются, наверно, бедными. Правда, действительно плохо тому, кто голодает. А таких не много» (Женя, 1966 г.р.).

Столь жесткое определение бедности не препятствует каждому селянину иметь общее представление о том, на какие льготы он может рассчитывать и в каком случае, какие преимущества и издержки дает получение социальной помощи. Как оказалось, получение помощи не увязывается напрямую с крайней бедностью. Напротив, социальные пособия и льготы расцениваются в качестве потенциального источника дохода, того, что нужно учитывать «на черный день». И хотя на селе явно не принято обращаться за помощью, постепенно становится устойчивой и другая тенденция: восприятие социального пособия в качестве одного из источников жизнеобеспечения. Однако получение государственной поддержки становится одобренной стратегией выживания не всех без исключения.

Негативная оценка крайне бедных оказалась достаточно распространенной позицией в общественном мнении, когда нужда объясняется личной безответственностью и дурными

пристрастиями.

«Бедные меня бесят: как только появляется лишняя копейка, так сразу намереваются ее спустить, пропить» (Света, 1967 г.р.).

«Надо закрыть и службу занятости, и отделение по социальным вопросам, и все будет хорошо: не будет ни безработных, ни малообеспеченных. Раньше как бы ни жили, никто не просил. Это все от безработицы. Надо закрыть все Службы занятости, а безработицу запретить. На селе можно заработать, можно себя обеспечить. Надо только трудиться. Мы никогда не просили и не попросим» <...> Социальные работники нужны только для работы с немощными и сиротами. Малообеспеченных надо убрать. Какие на селе малообеспеченные? Пусть работают. Некоторые просят помощи, чтобы их обслуживали, а сами «хи-хи и ха-ха»: или пьют, или ленятся» (Нина, 1934 г.р.).

При такой установке обращение за помощью – это исключительная мера, которая одобрена только в крайнем случае, при исчерпании всех иных возможностей: *«Зачем просить, жаловаться – не хочу. Что дадут эти 200-300 рублей? Лучше на работу пойти» (Света, 1967 г.р.).* Работа, даже малооплачиваемая, предпочтительнее, чем социальное пособие. Даже при невозможности трудоустройства или крайне низкой заработной плате предлагается использовать дополнительный ресурс – подсобное хозяйство. Без реализации данного условия обращение за помощью – признак нерадения и неприспособленности к крестьянской жизни.

Причем, само по себе наличие хозяйства, по общему признанию, не гарантирует полный достаток, а лишь обеспечивает социальный минимум. И даже в этом случае успех домашнего хозяйства во многом определяется двумя условиями: наличием денег и мужской силы. С одной стороны, хозяйство и оплачиваемая работа взаимосвязаны между собой: без работы невозможно содержать хозяйство, а без хозяйства невозможно обеспечить должным образом семью. С другой, необходимым условием развития крестьянского хозяйства признается мужское участие, прочный брак и полная семья.

В обеих сферах произошли кардинальные изменения. Развал производства, сокращение рабочих мест, низкая заработная плата и неплатежи сделали проблематичным эффективное ведение хозяйства. А длительная безработица мужчин, постепенная их депрофессионализация и деградация способствовали кристаллизации женского «стиля» выживания: в силу мужской ненадежности по разным причинам, женщины предпочитают надеяться только на себя, жить отдельно от «постоянных» мужей. Становится распространенной практика приглашенного мужчины как для «утех», так и для работы по хозяйству [Ярошенко, 2002].

По этой причине общественное мнение более благосклонно к одиноким женщинам: им можно не вести крестьянское хозяйство и обращаться за помощью, тогда как полным семьям можно рассчитывать на внешнюю поддержку только при условии ведения хозяйства. В остальных случаях тех, кто не может вести крестьянское хозяйство и принятый в деревне уклад жизни, общественное мнение осуждает: *«Если ты живешь на селе, то надо работать. Если работаешь, то с голоду не умрешь и совсем плохо жить не будешь» (Женя, 1966).* Таким образом, в глазах сельчан становятся «чужими» крайне бедные, чья нужда обусловлена алкогольной зависимостью. В эту же категорию также попадают приезжие, не вписавшиеся в практику крестьянского хозяйства. Как правило, это работники лесопункта. По мнению старожиллов, именно они были развращены практикой

совхозной работы и отучены от тяжелого крестьянского труда. Своими становятся, как только начинают вести свое хозяйство.

«И на селе плохо живут, похуже, чем в поселке. Но помощи не просят, не приучены. Вот ведь сельские бабки не жалуется насчет дров, а лесопунктовские требуют, чтобы им помогали. Даже дети отличаются. Деревенские на полях работают, головы не поднимая, а лесопунктовские – сидят на ведрах» (заведующая отделом пособий и социальных выплат).

«И здесь уже мало приезжих. Я уже местная. Вот ведь мать мужа приехала сюда из Костромской области, так же как и отец его. А считают себя коренными, местными. Мы тоже пустили свои корни. Это родина для мужа и уже для меня. У меня здесь семья создалась, дети родились, дом свой. Дети вряд ли здесь останутся. Может, только сын останется. Он больше к дому привязан, ко мне» (Женя, 1966 г.р.).

Итак, крайне бедные на селе, согласно общественной номинации – это те, кто не может вести крестьянское хозяйство: (1) пьяницы и лентяи, то есть потерявшие работу и неспособные ее найти или удержаться; (2) население лесобазы, которые «привыкли жить на всем готовом», не интегрированные в привычный деревенский образ жизни, оставшиеся «чужими» или «другими» на селе. Сельские рабочие (работники лесоперерабатывающих предприятий) – в основном люди пришлые, приехавшие некогда на заработки и оставшиеся здесь. С развалом советской системы оказались в рядах новых бедных, резко изменивших социальный статус от некогда состоятельных – к нуждающимся и неспособным к крестьянскому самообеспечению.

Факт получения пособия не является маркером, выделяющим наиболее нуждающихся. С одной стороны, в рядах «официальных» бедных оказываются семьи, в глазах односельчан достаточно состоятельные, но имеющие право на компенсацию утраченных гарантий и стандартов жизни. С другой, туда попадают крайне бедные, для которых государственная поддержка – это признак нерадения и порочных пристрастий, ставших причиной хозяйственной несостоятельности.

Судя по всему, общественное мнение села едино с властным в определении того, кого следует считать бедным. С одной стороны, это определение очень жесткое – только крайняя нужда признается бедностью. С другой стороны, даже среди крайне нуждающихся выделяются достойные и недостойные призрения. И, наконец, недостойные бедные на селе – это выпавшие из привычного крестьянского уклада жизни и ведения хозяйства.

Социальная поддержка на селе: стимул или зависимость?

Что движет теми, кто обращается за помощью? Является ли факт официального признания нужды показателем крайней бедности? Каким образом регистрация в качестве нуждающихся и получение социального пособия сказывается на материальном положении семьи? Становится пособие каналом восходящей или нисходящей мобильности? Если да, то в каких случаях? И, наконец, что меняется в организации семейного хозяйства при получении государственной поддержки? Эти вопросы были в центре внимания в процессе интервью с семьями получателей пособия.

Среди получателей пособия мы отобрали три примера, демонстрирующих различные жизненные ситуации и стратегии в отношении социальной помощи. Первый случай

описывает ситуацию использования социальной помощи в качестве одного из имеющихся источников обеспечения, когда внешняя поддержка не является значимой в домохозяйстве и рассматривается как средство поддержания прежнего уровня жизни. Как правило, преодоление нужды обеспечивается мобилизацией и эффективным использованием «хозяйственного» и «сетевого» потенциала: подсобным хозяйством и взаимоподдержкой родственников. Второй случай, напротив, освещает практику социальной помощи в семьях, не располагающих такими возможностями и испытывающих серьезные материальные лишения. При столкновении с проблемами в сфере оплачиваемой занятости такие семьи не имеют запаса прочности в виде стабильного подсобного хозяйства или интенсивного родственного обмена, т.е. морально одобренных компенсаторов утраченных благ и гарантий. В свою очередь социальная помощь здесь не только не компенсирует дефицит ресурсов, но и не может служить толчком к их мобилизации и гарантом от бедности. Лишь длительный опыт низкой оплаты труда, очевидное преимущество исключения из принятой на селе практики организации хозяйства ведут к привыканию к внешней помощи и формированию экономической зависимости. И, наконец, третий случай – пример развития изоляции от всевозможных источников существования, в том числе внешней поддержки. Когда длительная практика бездеятельного существования ведет к атомизации и тотальному исключению из общинной и состоятельной жизни.

Полная многодетная семья, рекомендованная в сельском Управлении по социальным вопросам как *“хорошая бедная семья”*, – пример незначимости социального вспомоществования. Семья явно вызывала сочувствие местных властей, да и селян, поскольку была образцом трудолюбия и хозяйственности. Материальные проблемы связывались с внешними обстоятельствами – низкой заработной платой, а не многодетностью или пороками поведения.

Оба супруга работают на низкооплачиваемых работах: она – библиотекарем с ежемесячной заработной платой в 700-800 рублей (\$25-29), а он – рабочим мелькомбината, чей заработок в 1000-1500 рублей (\$36-54) выплачивается нестабильно и частями. В результате среднестатистический денежный доход составляет около 400 рублей в месяц при установленном прожиточном минимуме в тысячу рублей. Однако семья не считает себя бедной: *«Дело не в деньгах – если бы выплачивали все, что причитается, то больше бы не нужно было»*.

Регистрация в социальной службе и получение официального статуса нуждающихся – результат давления предприимчивой свекрови: *«Встать на учет в службу занятости посоветовала свекровь: она же предприимчивая. Все знает. Послала встать, утверждая, что другие семьи еще лучше нас живут, а стоят на учете»*. Таким образом, с 1998 г. семья является получателем социальной помощи: жилищных субсидий, детских пособий, разовой материальной помощи и льгот в виде обеспечения дровами, оплаты детского садика и т.п. Несмотря на внушительный перечень получаемых благ, их оценка в обеспечении семьи незначительна: *«Помощь помогает хоть чуть-чуть дотянуть»*.

Основанием благополучия называется собственное хозяйство и женская предприимчивость в его организации и решении возникающих материальных проблем. Конечно, высоко оцениваются и денежные доходы, поскольку без них невозможно поддерживать ни подсобное хозяйство, ни вести привычное потребление, нет ориентации на накопление. Именно это отличает рассматриваемую семью от родительской: *«Честно говоря, свекровин дом – это не мой дом. Там инициативу лучше не проявлять. Но надо*

сказать ей [свекрови] спасибо, потому что взяла я от нее многое. Год пошел на пользу: научилась, как хозяйство содержать. Правда, я не смогла так совсем: у нее накопительство на первом месте. Она очень оборотистая женщина. У меня такого нет. Я живу сегодняшним днем...»

Другой отличительной чертой семейной (хозяйственной) организации является особый принцип конструирования «надежного мужчины»: гибкое управление внутрисемейными отношениями.

«...Еще я научилась, как не надо с мужем жить. Они хорошо живут, но в эмоциональном плане они живут плохо. У них матриархат, давление. Она ругается, а он живет. Хотя вся мужская работа на нем, он все делает, но она все равно ругается. Мама – мозг, а он – бесхребетный. Сестра мужа взяла ту же моду. И живут они с мужем не ахти как. У нас, у родителей, все равно отец – глава семьи. Хотя мама командовала, но вообще-то равноправие было. И мы с мужем также живем. Я его исподволь направляю. Он хозяйственный. Если сильно не давить, то... В общем, он добрый и глупый. Г..овская, их порода».

Вышеприведенная цитата явно демонстрирует женский авторитет, стратегические функции и предприимчивость в организации домашней экономики. Роль мужчины ограничивается «силовыми» сферами крестьянского хозяйства: строительством, ремонтом, земельными работами, уходом за скотом. Такое распределение обязанностей расценивается в качестве залога устойчивого материального положения.

Все семьи, получающие социальную помощь, по мнению хозяйки, делятся на две категории: полные – «семьи примерно такие же, как и мы» и «неполные» – «у меня подруга стоит там же: у нее трое детей и без мужа. Нет у нее хозяйства, поскольку все хозяйство держится на мужчине». Отсутствие мужчины в семье или его ненадежность, обусловленная разнообразными причинами, является индикатором и причиной крайней бедности: «Без мужчины на деревне никуда. Если есть хозяйство, то живут сейчас вместе только из-за хозяйства, а не детей. Женщина бы давно уже ушла (ей тяжелее намного с ним жить), но никуда на деревне не уйдешь, его не выгонишь, и хозяйство держит. И деньги нужны, чтобы уехать куда-то, и земля держит». Таким образом, безбедное существование возможно только при сохранении семьи как ячейки хозяйственной состоятельной жизни. Как только женщина становится единственным кормильцем, возможности самостоятельного преодоления нужды резко сокращаются и растет роль социальной поддержки.

Примером значимой роли социальной помощи является семья одинокой матери, зарегистрированной как нуждающейся сразу с рождением ребенка в 1992 г.: «Зарегистрировалась, чтобы хоть какое-то пособие платили, как дочку родила». После смерти матери в 1989 г. И. жила с отцом. Совместное ведение хозяйства существенно помогало в решении материальных забот. Со смертью отца в 1999 г. ситуация сильно осложнилась. Пришлось сворачивать подсобное хозяйство из-за отсутствия мужчины в доме. Из-за конфликтов с зажиточным братом по поводу наследования родительского дома семья оказалась без родственной поддержки. Другая сестра, также одинокая мать, не может оказать содействия.

«Как папа умер, так все пошло кувырком. Моя жизнь испортилась. Другую работу? Куда я пойду? Да и не интересовалась я другой работой. С папой легче. Все-таки мужчина в доме. Старик, а дома не сидел. Все что-то делал. С родителями легче жить».

С 1986 г. И. работает фасовщицей в аптеке, получая заработную плату в 900-1000 рублей. Социальное пособие составляет 140 рублей в месяц. Отец ребенка, имеющий другую семью, помощи никакой не оказывает. Таким образом, среднедушевой денежный доход составляет около 550 рублей. Это несколько выше, чем в предыдущем случае. Однако в этой семье нет других источников (ресурсов) для улучшения материальной ситуации: *«...денег не хватает. Скотины нет, чтобы скотину держать, деньги нужны <...> Брат живет лучше, так как корову держит, гусей и уток. Мне бы полторы тысячи рублей хватило бы, чтобы жить нормально».*

Недостаток денежных средств и невозможность их компенсации с помощью трудовых и сетевых ресурсов обуславливают стабильность материальных лишений. Создание полной семьи также не считается перспективным: примеры семейных неурядиц односельчан, измены и (не)возможность выполнять мужчинами роль кормильца приводятся в одном ряду обстоятельств, оправдывающих стратегии матери-одиночки: *«Что толку держать хозяйство, если братовья или сыновья все пропивают? У меня подруга отказалась держать скот, так как ей надоело, что она работает, а ее ненадежные братья или даже муж пропивают все подчистую. Говорит, что себе с ребенком она может и купить. Ей будет достаточно».* Государственная поддержка в этих обстоятельствах является единственно возможным способом решения материальных трудностей.

Пример расширенного исключения и изоляции – случай Л., 29-летней женщины, безработной, разведенной и лишенной родительских прав, живущей в крайней бедности, но не имеющей права на поддержку в силу несоответствия установленным критериям предоставления помощи.

Л. вышла замуж сразу после школы и родила дочь. До рождения ребенка устроилась на работу, только чтобы получать детское пособие. Затем уже нигде не работала. Сначала сидела с ребенком, а потом было трудно найти работу без профессионального образования. Семью обеспечивал муж. Пока не дали собственную квартиру, жили вместе с братьями мужа в трехкомнатной квартире. В доме не переводились гости. Пили вместе с братьями и мужем. Однако из всей компании только Л. втянулась настолько, что быстро оказалась в рядах «падших женщин» (безработной, деморализованной, с алкогольной зависимостью). В данном случае речь идет не только о проблемах со здоровьем, но и социальных проблемах. Уже сейчас ей невозможно рассчитывать ни на какую постоянную работу, поскольку все на селе, в том числе работодатели, знают ее историю падения и зависимости. Ненадежный работник никому не нужен. Более того, она оказалась ненужной своей собственной семье. Муж подал на развод. Суд развел супружескую пару и оставил ребенка отцу, лишив Л. родительских прав. Л. оказалась без работы, семьи и жилья. Ее пристанищем стала летняя кухня – имущество, переданное ей в ходе раздела. И, наконец, она не имеет права на социальную помощь. В настоящее время перебивается калымом и подачками сожителя, содержащего ее в обмен на жилплощадь – летнюю кухню неподалеку от дома своей бывшей семьи и родительского дома (деревянного многоквартирного дома, находящегося в очень ветхом состоянии). На лице явный отпечаток алкоголизации и побоев. Эмоционально подавлена и испытывает страх перед

мужем, деревней: *«Вы только мужу не говорите, что я с вами говорила... Я бы уехала куда-нибудь. Здесь мне жизни нет. Никуда меня не примут на работу...»*.

Таким образом, из всех трех приведенных примеров в крайней нужде оказывается женщина, исключенная из системы социальной защиты и других источников жизнеобеспечения: постоянной работы, подсобного хозяйства, родственного обмена и взаимопомощи. Находясь в крайней бедности, она не может рассчитывать на благосклонность власти и общественного мнения, отказывающих ей в праве на внешнюю поддержку в силу пороков поведения.

В двух других случаях есть социальная поддержка, но она имеет различную значимость. В семьях, где социальное пособие – один из многих источников жизнеобеспечения, его роль сводится к поддержанию прежнего уровня жизни. Выходу за пределы нужды, как правило, такие семьи обязаны активизации трудового (хозяйственного) или сетевого потенциала. В семьях с ограниченными ресурсами (чаще всего в семьях, возглавляемых женщинами) значимость социальной помощи возрастает. Однако это не может стать каналом преодоления бедности или стимулом к мобилизации отсутствующих ресурсов.

Механизм исключения/включения бедных, или как формируется зависимость

«Новые бедные» в стратификации современного российского общества представляют собой статусную группу, которая выделяется не только стилем жизни и стандартами потребления, но и закрепленным правовым статусом. По существу, механизм формирования этой реальной группы включает три стадии: властную номинацию, идентификацию (стигматизацию окружающими в качестве бедных) и самоидентификацию: осознание себя бедным и представление о социальном минимуме, отсутствие которого является основанием для подобной самоидентификации).

Факт получения пособия не является маркером, выделяющим наиболее нуждающихся. С одной стороны, в рядах «официальных» бедных оказываются семьи достаточно состоятельные, но имеющие право на компенсацию утраченных гарантий и стандартов жизни. С другой, туда попадают крайне бедные, для которых государственная поддержка – это признак нерадения и порочных пристрастий, ставших причиной хозяйственной несостоятельности.

Крайне бедными становятся семьи, испытывающие на протяжении длительного времени постоянную нисходящую мобильность, находящиеся в крайней нужде и формирующие недостижительские практики хозяйствования. Шансы восходящей мобильности серьезно изменила для таких семей в первую очередь ситуация в сфере занятости. А семейная организация (усиление женской ответственности за обеспечение и содержание домашнего хозяйства) – при невозможности мужчинам практиковать, как в былые времена, миграционные или вахтовые методы занятости – усиливает их движение вниз в случае продолжительной бездеятельности (недееспособности мужчин). В свою очередь, организация крестьянского хозяйства (тесная связь подворья с оплачиваемой занятостью) в случае продолжительности проблем ведут к консервации бедности. Получение социального пособия не решает материальных проблем в силу его незначительности, избирательности и направленности на поддержание достигнутого уровня жизни, а не стимулирование активности. Оно может быть действительно лишь при неизменности внешних условий.

Таким образом, социальная помощь является компенсаторным, а не мобилизационным ресурсом. Он не может быть как фактором преодоления бедности, так и серьезной причиной постоянной бедности. Только для части зарегистрированных бедных существует возможность формирования зависимости от внешней поддержки в случае отчуждения от других источников обеспечения. Но их проблемы получаемая со стороны помощь не решает. Социальная поддержка не становится мобилизационным ресурсом для преодоления бедности в силу ее ограниченности и нейтральности. Более того, она может стать причиной усугубления ситуации, когда человек перестает видеть другие возможности.

Иными словами, постоянно бедные – это наименее обеспеченные социальные слои, восходящая мобильность которых затруднена и которым сложно перейти в другую категорию. Их проблемы постоянны, и социальное пособие – только один, причем не самый важный элемент механизма по их воспроизводству.

Выделяются два варианта исключения (выпадения) из привычного крестьянского хозяйствования и состоятельной жизни. Первый связан с бедностью людей, находящихся в ситуации длительной безработицы или низкой оплаты труда. Поскольку совхозы и оплачиваемая занятость на государственных предприятиях сделали личное хозяйство зависимым от ситуации в сфере оплачиваемой занятости, то «выпавшие» с рынка труда с течением времени испытывают серьезные трудности в поддержании подворья. Другой вариант исключения связан, в глазах сельской общественности, с «пороками» поведения. Определение бедных в этом случае очень близко к их «традиционному» отождествлению с больными, лентяями, преступниками и прочими асоциальными элементами, неспособными вести хозяйство и принятый образ жизни. Если такие бедные, известные на селе «в лицо» (так же, как их проблемы), стигматизируются сообществом, то остальные оцениваются сельской общиной в понятиях приличной (принятой или достойной) бедности.

Именно социальное исключение является механизмом формирования постоянной и глубокой бедности. Исключение проявляется на институциональном и поведенческом уровнях. На институциональном уровне происходит формирование института изоляции несостоятельных граждан: экономическая политика государства определяет нестратегические места работы, исключая из состоятельных тех, кто там работает, а органы социальной защиты исключают тех, кто не входит в число достойных помощи бедных. На уровне поведения происходит выбор неэффективной стратегии жизнеобеспечения, выпадающей из принятого (распространенного) хозяйственного уклада, исключение из которого закрепляет бедность. Апогеем исключения становится атомизация индивидов – потеря связи с домашней экономикой (выпадение из семьи) и сетевой экономикой (родственного обмена).

Литература

- Бедность в России. Государственная политика и реакция населения / Под ред. Джени Кругман. Вашингтон: Всемирный Банк, 1998. Пер. на русский язык 1997. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. Washington.
- Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Альманах социальных исследований «Рубеж», 1997. № 10-11. С. 154-176.
- Истомина Е. Экономика и занятость в лесопромышленном комплексе Республики Коми // В кн.: Северные регионы России: социально-экономические, демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000. С. 168-173.
- Основные показатели деятельности отраслей экономики, январь-декабрь 2000. Сыктывкар: Статистический бюллетень № 18-24-14/1. 2001.
- Статистический ежегодник Республики Коми. Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РФ и Госкомстат РК, 2000. С. 85.
- Статистический ежегодник Республики Коми. Статистический сборник. Сыктывкар: Госкомстат РФ и Госкомстат РК, 2001. С. 323.
- Чернина Н.В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования, 1994. № 3. С. 54-60.
- Ярошенко С. Бедные в социальной стратификации постсоветского общества // Альманах социальных исследований «Рубеж», 1998. № 12.
- Ярошенко С. Гендерные различия стратегий занятости работающих бедных // Альманах социальных исследований «Рубеж», 2001. № 16-17.
- Ярошенко С. Кризис семьи и сексуальности: бедность без любви в семьях нуждающихся // В кн.: В поисках сексуальности. Сборник статей. Под ред. Е.Здравомысловой и А.Темкиной. СПб.: Издательство Д. Буланин, 2002 (в печати).
- Clarke S. 1999. *Poverty in Russia*.
- Dean M. 1991. *The Constitution of Poverty. Toward a Genealogy of Liberal Governance*. London: Routledge.
- Polanyi K. 1957. *The Great Transformation*. Boston: Beacon press.
- Sanders J.M. Public transfers: safety net or inducement into poverty // *Social Forces*, 68: 3, March 1990. P. 813-834.
- Szelenyi I. (ed.) 2001. *Poverty, ethnicity and gender in transitional societies*. Yale: Yale University Press.
- Szelenyi I., Ladanyi J. 2000. Poverty and social structure in transitional societies / Prepared by Janos Ladanyi and Ivan Szelenyi. Yale University: Center for Comparative studies, draft. September-December 2000.